

ВИДЫ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ

В.И. Кузин

Министерство культуры
Новосибирской области

v.i.kuzin@gmail.com

В статье рассматриваются и сравниваются виды общих понятий, которые используются как в обыденной, так и в специализированной мыслительной и коммуникативной практике человечества. Основанием для сравнения видов понятий выбран способ их референции с объектом. Соответственно, виды понятий различены по критерию соотношения *общего* и *отдельного*. Описаны четыре вида общих понятий: логические, типические, сущностные и понятия семейного сходства. Автор показывает, что обобщающий взгляд на эти виды общих понятий является не простой механической суммой отдельных описаний, а приобретает новое качество.

Ключевые слова: обобщение, типизация, сущность, семейное сходство, универсалии.

CATEGORIES OF ABSTRACTIONS

V.I. Kuzin

Ministry of Culture of Novosibirsk region

v.i.kuzin@gmail.com

The article discusses and compares different categories of general concepts that are used in everyday life and special cognitive and communicative practices of mankind. The chosen basis of comparison of these categories of abstractions is the method by which they are referencing the object. Accordingly, the categories of abstractions are compared by the criterion of interrelationship of *common* and *particular*. Four categories of abstractions are described: logical, typical, ontological, and 'family resemblance'. The author shows that the generalizing view of these types of general concepts is not a simple mechanical sum of the individual descriptions, yet acquires a new quality.

Key words: abstraction, general concepts, typification, essence, family resemblance, universals.

Уровень методологической культуры исследователя в значительной мере характеризуется степенью рефлексивности используемых им общих понятий. Нередки случаи, когда в исследовательской (в том числе в диссертационной) литературе совершаются неосознаваемые подмены понятий не просто по их содержанию, но и по их виду. Незамечаемые подмены видов общих понятий остаются одним из «идолов познания» (а именно — «идолов рынка, площади»), одной из распространенных «ловушек языка», в которую все мы время от времени попадаем.

Обсуждение общих понятий (универсалий) было популярной темой философских дискуссий во все периоды существования философии.

Нам известны четыре основных вида обобщения и, следовательно, четыре вида общих понятий: 1) логические понятия; 2) типические понятия; 3) сущностные понятия; 4) понятия «семейного сходства».

Общие понятия различаются способами их образования. Описание этих способов относится, скорее, к сфере психологии, нежели к логике или эпистемологии.

Общепризнано, что если понятия не выводятся дедуктивно из других понятий, то процесс их образования аналогичен процессу выдвижения эмпирических гипотез. Этот процесс всегда требует воображения, изобретения, интуиции. И его не удастся редуцировать к строгим и формальным логическим схемам. Не случайно, как отмечает Э. Кассирер, многие понятия культуры разрабатывались не мыслителями, а художниками, сумевшими из разрозненных впечатлений синтезировать целостные образы. Так образуются и естественно-научные понятия. Их «изобретение» трудно формализуемо, оно требует интеллектуального творчества и озарения.

Другое дело – процессы сопоставления содержания общего понятия с объектом (с отдельным понятием): они-то существенно различаются для четырех названных нами видов общих понятий. То есть различия общих понятий яснее обнаруживаются не в специфике их возникновения, а в особенностях их референции. Виды понятий различаются соотношением *общего* и *отдельного*.

Логические общие понятия

Содержание логических общих понятий фиксирует какие-либо качества, черты, свойственные *каждому* члену описываемого класса объектов. По сути, речь здесь идет о проблеме отношения отдельного и общего в том виде, как она представлена в большинстве популярных учебников по философии и логике. Впрочем, похоже, это – уже и не проблема, а тривиальная тема, которая, как кажется, занимает строго очерченное место в теме «философские категории» и давно похоронена в пыли учебников (вспомним у В.И. Ленина: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или

иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельное. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее» и т. д. [5, т. 29, с. 318].

Общие понятия образуются путем абстрагирования от специфических черт, сторон отдельного. Поэтому общие понятия бедны содержанием. Но это такая бедность, которая в определенном (и именно – в схваченном общем) аспекте обладает законодательной силой, ибо она есть закон, из которого могут дедуктивно выводиться отдельные феномены. Подчеркивая законообразующую суть общего, общих понятий, неокантианская философия (Виндельбанд, Риккерт) обозначает их как «номотетические» (или «номофетические»), то есть *законоустанавливающие*. Содержание логических общих понятий будет беднее, чем содержание отдельных понятий. Распространенным случаем логических общих понятий являются родовидовые обобщения.

Логические общие понятия (и сформулированные посредством их законы) образуют методологическую базу классической новоевропейской науки. Статьи в словарях и энциклопедиях, посвященные понятию «общее» («всеобщее»), как правило, описывают именно логические общие понятия. В философском энциклопедическом словаре читаем: «ОБЩЕЕ, всеобщее, 1) в традиционном, идущем от Аристотеля смысле – признак, сходный с признаками всех предметов фиксированного класса...» [7, с. 433].

Если каждый член класса объектов представить в виде множества (в логическом смысле), то логические общие понятия будут *пересечением* этих множеств.

Типические общие понятия

Содержание типических общих понятий – это наиболее часто встречающиеся признаки охватываемого понятием класса объектов. Выражение «наиболее часто встречающиеся признаки» наглядно подтверждает ранее высказанное суждение о том, что формирование общих (в данном случае – типических) понятий не может быть формализовано. Наиболее часто – это сколько? В этом вопросе важна чуткость исследователя, его интеллектуальная интуиция.

При типизации соотношение общего и отдельного совершенно иное, нежели при логическом обобщении. Типизация – это *собирательное* обобщение, а типическое понятие представляет собой сконструированный, идеализированный вариант отдельного понятия. Типическое понятие описывает некий воображаемый экземпляр данного класса объектов. С этим воображаемым объектом сравниваются наблюдаемые, существующие объекты, характеристики которых фиксируются через совпадение или несовпадение с типическим описанием. Типическое общее понятие служит в качестве точки отсчета, в качестве эталона для измерения отдельных объектов. Хорошим примером употребления типического обобщения можно считать работу жюри на выставках породистых животных. Например, для той или иной породы собак формулируются эталонные стандарты: рост, пропорции, окрас и т. д. Таким способом описывается некая воображаемая собака какой-либо породы. В дальнейшем эксперты сравнивают реальных животных с этим сконструированным образом и оценивают, в какой степени то или иное описание той или отдельной собаки совпадает с типическим образом. Чем больше совпадение, тем выше экс-

пертная оценка. Но даже если ни одна собака, участвующая в выставке, полностью не совпадет с эталоном, типическое понятие собаки не будет считаться неверным и стандарты породы вряд ли изменятся.

Роль типических понятий как эталонов в познании, как идеальных моделей максимально выявил и подчеркнул М. Вебер в своей концепции «идеальных типов»: «По своему значению это – чисто идеальное *пограничное* понятие, с которым действительность *сопоставляется, сравнивается* для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания» [2, с. 393].

По мнению Вебера, «идеальные типы» (типические понятия) играют важнейшую роль в социологии. Показательным примером идеального типа Вебер считает понятие «капитализм» у Маркса. Хотя исследование Маркса – социологическое, оно не ставит целью описание какого-то конкретного капитализма (английского, немецкого или французского). Но Маркс и не описывает общие черты капитализма, *одинаковые для всех* национальных капитализмов. (Это было бы логическое общее понятие.) Он дает *типическую* модель, *по сравнению* с которой мы можем зафиксировать особенности капиталистического производства в Англии, Германии или Франции.

Разумеется, типизация как способ обобщения открыта не Вебером. Так, например, Аристотель в «Поэтике» говорит о типизациях, осуществляемых в трагедиях и комедиях. И на этом основании Аристотель считает поэзию выше истории: «Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» [1, с. 455]. Общее в поэзии – это не логическое общее, а типическое.

Если каждый член класса объектов представить в виде множества (в логическом смысле), то типические общие понятия будут частичным *пересечением* и частичным *объединением* этих множеств.

Сущностные общие понятия

В сущностных понятиях в качестве *общего* схватывается природа, суть вещей. Сравним два высказывания: 1. «Все люди смертны»; 2. «Все люди равны». В первом случае мы имеем дело с логическим обобщением, во втором – с сущностным.

Задача постижения сущностей как главная задача философии была наиболее отчетливо поставлена и решена Платоном. Платоновская *теория идей* – это парадигма сущностного мышления (или методологического эссенциализма) для последующих тысячелетий философии. А *идея* – образец сущностного общего понятия. Поэтому, раскрывая особенности сущностных понятий, обычно ссылаются на Платона. Отличная от платоновской модель сущностного обобщения содержится в аристотелевском учении об «энергии» и «энтелехии».

Для того чтобы сущностное обобщение считалось «правильным», содержание общего понятия не обязательно должно присутствовать в каждом отдельном понятии. Всякое отдельное – это лишь *вариант* реализации общей сущности. Всякое отдельное – это явление (проявление) общего.

Далее, всякая вещь воплощает сущность (идею) преобразенно, трансформированно. Х. Ортега-и-Гассет мог бы сказать, что вещь – это *стилизация* идеи. То есть сущность может присутствовать в вещи в превращенном виде. И степень преобразования может быть значительной – вплоть до превращения в противоположность. Например, ницшевский Заратустра «даже в

воле служащего находит волю быть господином».

Сущности – *умопостигаемы*. Сущностное общее понятие – это результат «идеирующей абстракции», как сказал бы Гуссерль. А связь между общим и отдельным в этом случае – это герменевтическое истолкование. Если для Ницше сущность всего сущего есть воля к власти, то в каждом конкретном сущем надо просто распознать: «какой вид воли к власти тут за работой». Подобным же каждый ортодоксальный психоаналитик вынужден интерпретировать любое, даже самое возвышенное проявление человека как проявление, выражение его либидо.

На важность сущностных общих понятий обращает внимание О. Шпенглер. Объясняя специфику исторического (в первую очередь – своего собственного) исследования, Шпенглер противопоставляет два основных метода познания: «систематику и физиогномику»: «Все способы понимать мир позволительно в конечном счете обозначить как морфологию. *Морфология механического и протяженного, наука, открывающая и систематизирующая законы природы и каузальные отношения, называется систематикой. Морфология органического, истории и жизни, всего того, что несет в себе направление и судьбу, называется физиогномикой*» [8, с. 257]. Противоположность физиогномики и систематики у Шпенглера сводится к двум основным моментам:

1) различие «становления» (история) и «ставшего» (природа);

2) различие «понятия» и «символа».

Первый момент мы оставляем без рассмотрения, а вот второй имеет непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу. Под «понятием» О. Шпенглер подразумевает здесь только логические общие

понятия. Ибо для физиогномического познания наблюдаемая история (как и природа) – это символ, выражение скрытой сущности: «Зримая авансцена всякой истории имеет поэтому такое же значение, как и внешний облик отдельного человека – рост, выражение лица, осанка, походка, не язык, а речь, не написанное, а почерк. Все это воочию предстает знатоку людей. Тело во всех его проявлениях, все ограниченное, ставшее, преходящее есть выражение души. Но быть знатоком людей значит при этом знать и те человеческие организмы большого стиля, которые я называю культурами, понимать их мимику, их язык, их поступки, как понимают мимику, язык, поступки отдельного человека» [Там же, с. 258].

Систематика – это познание в *логических* общих понятиях, а физиогномика – в *сущностных* общих понятиях. Шпенглер многократно повторяет мысль о разных предметных областях для систематики и физиогномики: природа и история. Однако он не отрицает возможность использования любого метода в каждой из областей исследования: «Следовало бы сказать еще раз: нет никакой точной границы между двумя способами восприятия мира. Насколько становление и ставшее являются противоположностями, настолько же несомненно наличие обоих в каждом акте понимания. Историю переживает тот, кто созерцает то и другое как становящееся, как завершающее себя; природу познает тот, кто разлагает их как ставшее и завершенное» [Там же, с. 252].

К тому же определяющим для формирования позиции Шпенглера стал пример Гете, который не только историю, но и природу (в своем учении о «первофеномене») мыслил не как систему и закон, а как гештальт и символ.

По Шпенглеру, логические общие понятия выражают пространство и число (количество). Систематика формирует «царство пространственно-понятийного – ибо понятия по существу своему суть числа и обладают чисто квантитативными свойствами...» [Там же, с. 255]. По этому поводу К.А. Свасьян пишет ироничное примечание: «Еще один пример усвоения расхожего философского предрассудка. Что понятия – “*по существу своему*” – образуются не экстенсимально-квантитативно, а интенсимально-квалитативно, об этом уже твердила современная Шпенглеру логика (достаточно вспомнить теорию идеирующей абстракции Гуссерля или функционально-интегральное понимание понятия как “координирования единичного и введения его в целокупную связь” (у Кассирера)» [Там же, с. 642]. В этой связи стоит отметить следующее. Свасьян, поправляя Шпенглера, видимо, полагает, что существует только один вид общих понятий, и речь идет только о том, чтобы правильно определить способ из образования: количественный (квантитативный) или качественный (квалитативный). Причем предполагается, что истинный (а именно – качественный) путь образования понятий был наконец-то открыт в XX веке. Между тем смысл всей второй главы книги Шпенглера заключается в том, чтобы различить два вида познания и, следовательно, два вида понятий. Правда, как мы уже отмечали, собственно «понятиями» Шпенглер называет лишь квантитативные понятия. При этом, однако, он ясно указывает, что логические общие понятия – это принадлежность определенного исторического типа мироощущения. В первые столетия каждой культуры они встречаются «еще слабыми, обособленными, еще теряющи-

мися в полноте религиозного мироощущения». Мы можем предположить, что в эти столетия человек пользуется другими видами общих понятий: сущностными, типическими, семейного сходства. В позднюю же эпоху цивилизации они превращаются в «предрасудок всякой философии и науки <...>, – отождествляющий отмеченное состояние с человеческим духом как таковым, а его отражение – механическую картину окружающего мира, с самим миром...» [Там же, с. 255].

Таким образом, качественные понятия – не изобретение XX века. Скорее наоборот, они изобретались давно и много раз (в каждой из культур). Что касается западной философии, то значительную часть ее истории можно представить как процесс борьбы двух принципов образования понятий: сущностного (качественного) и логического (количественного). Так, например, характеризуя суть нового научного метода, разработанного Галилеем и Ньютоном, В. Виндельбанд пишет: «Этим в совершенно новой форме была закреплена победа демокритовско-платоновского принципа, что объект истинного познания природы составляет исключительно количественно определяемое...» [3, с. 328].

Мышление в сущностных понятиях, как пишет Виндельбанд, обосновывается Аристотелем, существует в качестве «аристотелевской линии» в средние века и сохраняется даже у Ф. Бэкона. Конечно, дело обстоит не так, что Платон мыслит исключительно логическими общими (количественными) понятиями, а Аристотель – сущностными (качественными). Шпенглер, к слову, считает с точностью «до наоборот»: «Логика, вроде Аристотеля и Канта, сделали это воззрение [механическое, систематическое – К.В.] господствующим, но Платон и Гете

опровергают его» [8, с. 256]. С другой стороны, когда Рассел пишет о двух исходных интуициях в философии – *математической* и *биологической*, то в качестве примера он ссылается на Платона и Аристотеля, причем именно в этом порядке. Тем не менее Платон, как бы там ни было, изобретатель *идей*, которые мы считаем образцом сущностных понятий, а Аристотель – создатель *логики* и исследователь логических понятий. Видимо, речь просто может идти о том, что мыслители пользуются разными видами общих понятий в разных частях своих учений. Поэтому посмертная судьба мыслителя часто определяется тем, на какой из частей его учения сделают акцент ученики и последователи. В этом контексте можно указать на прихотливые и существенно различающиеся интерпретации Платона и Аристотеля у различных мыслителей средних веков.

И еще несколько слов о Платоне. Существенной проблемой понимания платоновской философии считается соотношение понятий «эйдос» и «идея». Как отмечает А.Ф. Лосев, мы традиционно считаем главным творением Платона его «теорию идей». При этом, пишет исследователь, слово «идея» встречается у Платона не так уж часто – всего 60 раз. А вот слово «эйдос» – 600 раз. Можно, конечно, как это делается в некоторых учебниках, употреблять эти понятия как синонимы или (что тоже встречается) считать слово «идея» русским переводом греческого слова «эйдос».

Возможное решение, на наш взгляд, заключается в следующем: Платон использует два различных вида общих понятий. «Эйдос» – понятие типическое. Именно поэтому, во-первых, в понятии «эйдос» сильны визуальные коннотации – «вид», «образ». А во-вторых, именно «эйдос», а не «идея» – это эталон, образец, идеал,

стандарт для вещи (вспомним стандарты собачьих пород). С эйдосом может сравниваться вещь. Вещь может не достигать полноты, совершенства эйдоса, то есть не вполне соответствовать стандарту. «Идея» же – понятие сущностное, а значит, как мы предположили, – умопостижимое. Идея не может быть моделью, образцом для вещи хотя бы потому, что она не материальна, не пространственна. Вещь не просто «не достигает полноты идеи» – вещи и идеи находятся в разных измерениях. (Разумеется, сколько-нибудь обоснованное развитие высказанной здесь мысли возможно только на основе хорошего знания греческого языка и внимательного чтения оригинальных текстов Платона).

Распространенным вариантом сущностных обобщений является определение *возможностей* вещей. Но возможность тем и отличается от фактичности, что она может не реализоваться. Так, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс определяет сущность человека как свободную и универсальную деятельность. «Свободная и универсальная деятельность» – это сущностное общее понятие (или сочетание понятий). Но оно означает лишь, что человек *может* действовать свободно и универсально. Однако в действительности он так почти никогда не действует. То есть Маркс, формулируя сущность человека, описывает возможности человека, а не его фактическую жизнь. И вполне вероятно, что нет ни одного человека, который всегда и во всем воплощал бы собой эту сущность.

Таким образом, истинность сущностных обобщений еще в меньшей степени, чем в случае типических обобщений, может быть опровергнута отсутствием подтверждающих эмпирических примеров.

Примерным графическим выражением соотношения сущностных общих понятий и отдельных понятий может служить изображение трехмерного предмета и его двухмерных проекций. Приложение данной графической модели к описанию устройства мира иногда называют «дизайном онтологией».

Общие понятия семейного сходства

На специфику понятий данного вида в XX веке обратил пристальное внимание Людвиг Витгенштейн. Суть принципа «семейного сходства» в том, что понятие обозначает группу предметов, явлений, одна часть которых сходна в каком-либо одном отношении, другая – в другом, и т. д. Например, как полагает Витгенштейн, нет единого общего свойства для действий, которые называют «играми». Но все игры связаны сходствами как бы «по цепочке». Одни игры схожи тем, что в них играют с мячом, другие – тем, что в них соревнуются, третьи – тем, что служат развлечению, и т. д. «Я не могу, – пишет Л. Витгенштейн, – охарактеризовать эти подобию лучше, чем назвав их “семейными сходствами”, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д. и т. п.» [4, с. 111].

Употребляя слово в той или иной ситуации, мы актуализируем одни сходства и игнорируем другие.

Хотя общие понятия семейного сходства описаны относительно недавно, человечество пользуется ими испокон веков. Возможно, это был самый первый тип обобщения, который освоил человек. Понятия семейного сходства образуют основу естественного языка. Заглянем в любой словарь

иностранный язык и обратим внимание на то, как много значений имеют самые употребимые слова. И поскольку всякий язык – это определенная теория мира, постольку, возможно, именно понятия семейного сходства являлись основой первоначального познания: «...Каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему нарезает и делит его, потому и существует множество разных языков, каждый со своей грамматикой, словарем и семантикой. Эта первобытная классификация является первой гипотезой о том, каков мир на самом деле, и, следовательно, первым знанием. Вот почему вначале речь была познанием» [6, с. 347].

Процесс овладения детьми их родным языком проясняет способ формирования понятий семейного сходства. Ребенку обычно не дают *определений* слова, например слова «яблоко». Ему просто указывают на яблоко и говорят: «Это – яблоко». Очевидно, что в естественном языке «яблоко» не является ни логическим, ни сущностным, ни даже типическим понятием. Иначе говоря, ребенок, скорее всего, запоминает множество примеров «яблоку», а не вычленяет признаки, *общие для всех без исключения* яблок, не создает представление о *сущности* яблока, не формирует образ *типического* яблока.

Как же мы ориентируется в том, какое из значений понятия семейного сходства актуально в данном конкретном случае? Мы справляемся с проблемой исходя из контекста: исходя из других слов, ситуации общения, особенностей говорящего и слушающего, и т. д.

Если каждый член класса вещей представить в виде множества (в логическом

смысле), то общие понятия семейного сходства будут объединением этих множеств.

Как отмечалось, каждый в отдельности из упомянутых выше видов общих понятий уже описан в научной литературе. Элемент новизны, содержащийся в предлагаемой статье, сводится лишь к ясному сопоставлению, последовательному *сравнению* видов понятий. Такой обобщающий взгляд на общие понятия является тем не менее не простой механической суммой отдельных описаний, а приобретает новое качество.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах / Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975.
2. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. *Виндельбанд В.* История философии: пер. с нем. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. / сост., вступ. статья, прим. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Изда-во Гнозис, 1994. – 612 с.
5. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. – Т. 29.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – 408 с.
7. *Философский энциклопедический словарь* / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 815 с.
8. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663.